

годов XIX в., является вторичным по отношению к другому списку этого дневника, хранящемуся в Ленинградском отделении Архива АН СССР, и что последний как источник имеет значительно большую ценность.

Работы Б. Н. Комиссарова представляют собой важный вклад как вообще в латиноамериканистику, так и в этнографию региона. Они выполнены на очень высоком уровне, увлеченно, тщательно, можно даже сказать, скрупулезно. Однако рецензируемые работы, несомненно, выиграли бы, если бы их автору удалось шире познакомиться с материалами архивов Бразилии. Мы, в частности, имеем в виду дневники Л. Риделя 1820—1823 и 1827—1829 гг. и другие его рукописи, обнаруженные бразильской исследовательницей М. Паренте Аугель и хранящиеся в рукописном отделе Национальной библиотеки в Рио-де-Жанейро, а также рисунки Э. Флоранса и А. Тонэя, хранящиеся в различных бразильских собраниях. Было бы интересно изучить геттингенский архив учителя и наставника Лангсдорфа, профессора И. Блуменбаха, рисунки М. Ругендаса, находящиеся в ФРГ, и т. п. Можно высказать и другие подобные пожелания, показывающие, кроме всего прочего, сколь перспективной и плодотворной может быть дальнейшая разработка избранных автором тем.

Исследования Б. Н. Комиссарова, обратившего внимание наших латиноамериканистов на огромные богатства советских архивов (им изучено в общей сложности около 850 источников!), заставляют вновь поднять вопрос о необходимости публикации всего научного наследия Г. И. Лангсдорфа. Подробное его описание было дано автором рецензируемых работ (совместно с Д. Е. Бертельсом и Т. И. Лысенко) уже несколько лет назад². В нашей печати этот вопрос поднимался уже не раз³. Вышедшие после этого три книги Б. Н. Комиссарова свидетельствуют о необходимости безотлагательно решения этой проблемы.

А. Д. Дридзе

² «Материалы экспедиции Григория Ивановича Лангсдорфа в Бразилию в 1821—1829 гг. Научное описание». Л., 1973

³ С. В. Калесник, Е. М. Лавренко, М. И. Белов, Б. Н. Комиссаров. Выдающийся деятель отечественной науки академик Г. И. Лангсдорф.—«Вестник АН СССР», 1975, № 11.

НАРОДЫ АФРИКИ

Slavery in Africa. Historical and Anthropological Perspectives. Ed. by Susanne Miers and Igor Kopytoff. Madison—London, 1977, 474 p.

За последние годы заметно возросло количество исследований, в которых рассматриваются формы и функционирование отношений неравенства и эксплуатации в докапиталистических обществах Африканского континента. Эти вопросы исследуются как в трудах, посвященных социальной стратификации вообще¹, так и в работах, специально касающихся рабства и рабовладения в доколониальной Африке. Примером может служить вышедшая под редакцией К. Мейяессу книга группы французских ученых². Не остались в стороне от этой проблематики и советские африканисты³.

Такой интерес отражает как объективную логику развития собственно исторической и этнографической науки, так и совершенно определенные практически-политические нужды. В самом деле, сложная и многослойная социальная структура большинства государств Тропической Африки может быть понята только при историко-генетическом ее анализе.

И в этом смысле труд большой группы американских, британских, канадских и африканских исследователей — этнологов, историков и социологов, возглавленной

¹ См., например: A. Tuden and L. Plotnikov (ed.). Social stratification in Africa. N. Y., 1970; A. W. Southall. Stratification in Africa.—L. Plotnikov and A. Tuden (ed.). «Essays in Comparative Social Stratification». Pittsburgh, 1970.

² C. Meillassoux (ed.). L'esclavage en Afrique précoloniale. Paris, 1975.

³ Н. Б. Кочакова. Рабы и кабальные должники в государствах йорубов (конец XVIII — середина XIX в.).—«Проблемы истории Африки». М., 1966, с. 236—258; *её же*. Города-государства йорубов. М., 1968, с. 117—133; Э. С. Львова. Социальная структура государств Куба и Луба (конец XIX в.).—«Социальные структуры доколониальной Африки». М., 1970, с. 160—170; Ю. М. Кобищанов. Африканские феодальные общества: воспроизводство и неравномерность развития.—«Африка: возникновение отсталости и пути развития». М., 1974, с. 202—214; *её же*. Системы общинного типа.—«Община в Африке. Проблемы типологии». М., 1978, с. 217—232.

С. Майерс и И. Копытовым, может рассматриваться как очень существенный вклад и важный шаг вперед в изучение весьма разнообразных форм зависимости и неполноправия в доколониальной субсахарской Африке, обычно в западной литературе, зачастую и у нас, объединяемых понятием «рабство»⁴.

Особенность и достоинство книги не только (может быть, даже и не столько) в сравнительной широте географического охвата и стремлении рассмотреть разные стороны рабства и рабовладения, как общественных институтов, но в первую очередь в том, что редакторы сумели выдержать единство подхода к изучаемым фактам и явлениям. Это всегда непросто в коллективных работах, тем более, когда описываемые общества рассеяны по огромной территории, находясь на очень разных уровнях развития и рассматриваются исследователями под довольно разными углами зрения. В данном случае С. Майерс и И. Копытов эту задачу решили успешно, а написанное ими введение к книге, обобщая фактический материал, который содержится в 16 главах работы, посвященных различным этносоциальным организациям континента, представляет самостоятельный теоретический интерес для понимания проблемы рабства и рабовладения в целом. Как раз поэтому будет логично посвятить главное внимание в рецензии именно теоретическим посылкам, на которых построена книга.

Исходная идея редакторов отражена уже в самом названии введения: «Африканское „рабство“ как институт маргинальности». Идея эта заключается в том, что в традиционных африканских обществах ведущим противоречием, которое определяло весь характер представлений о рабстве, служила вовсе не оппозиция «свобода — несвобода». Эта оппозиция свойственна, по мнению Майерс и Копытова, европейским наблюдателям нового и новейшего времени, притом самая свобода обычно молчаливо рассматривалась в таких случаях, как абсолютная самостоятельность индивида и отсутствие у него каких бы то ни было социальных связей (стр. 17). Можно, конечно, заметить, что такое понимание свободы свойственно отнюдь не любому «европейскому» наблюдателю, и, уж во всяком случае, в нем непониман марксистская наука. Но в применении к большинству путешественников XVIII—XIX вв., оставивших нам описания увиденного ими в Африке, такая точка зрения достаточно справедлива. Что же касается определения главного противоречия самими авторами введения, то его Майерс и Копытов усматривают в противоположности интегрированности в общество и маргинальности по отношению к нему. Иначе говоря, для них вполне бесспорен примат социальных связей индивида в обществе, что не противоречит и марксистской точке зрения.

Отсюда следует несколько весьма существенных выводов. И прежде всего, отмечают редакторы, самый термин «раб» и его производные в обычном употреблении оказываются слишком расплывчатыми и покрывают широкий спектр очень разных явлений. К тому же отсутствует и общепринятое определение термина. Не случайно слова «раб», «рабство» и т. п. во введении неизменно стоят в кавычках. Правда, остальные авторы книги в основном обходятся без таковых, но и они подчеркивают очень частое несоответствие явлений обозначаемым их терминам на стр. 113, 151 и др. По существу, говорят Майерс и Копытов, в термине «раб» для большинства европейских наблюдателей уже заложена и точка отсчета в виде античного рабства или плантационного рабства нового времени.

Между тем то, что представлялось европейским путешественникам (записки которых и ныне остаются одним из главных источников сведений об африканском рабстве) единым явлением, на самом деле таковым никогда не было. Формы зависимости образовывали, по определению редакторов книги, континуум, простиравшийся от человека, захваченного для последующей продажи европейскому или арабскому работорговцу, до «квазиродича», включаемого в той или иной форме в состав и в систему родственных отношений его господ (стр. 22—24).

Важнейшей особенностью тех многообразных форм зависимости, какие весьма условно объединяются словом «рабство», было то, что в подавляющем большинстве случаев они выражались в категориях родственных отношений и в терминах родства (стр. 25). Для европейских наблюдателей это обстоятельство имело два следствия: широкое распространение представлений о преобладании в доколониальной Африке так называемого домашнего рабства и, соответственно, о «мягкости» обращения с рабами в африканских обществах. Впрочем, последнее косвенно отражало и сложившийся в самих этих обществах своего рода социальный миф, бывший очень действенным «амортизатором» социальных противоречий.

Как раз тенденция к выражению отношений зависимости в категориях родства позволяет авторам введения определить африканского раба как индивида, лишенного реальных родственных связей в данном социальном организме и потому находящегося в маргинальном состоянии по отношению к последнему (стр. 18). С этой точки зрения, описываемые в последующих главах книги формы африканского «рабства» различаются именно как разные степени перехода от маргинальности к интеграции.

⁴ Помимо С. Майерс и И. Копытова, в число авторов входят: Р. Остин, С. Бэйер, Р. Данбар, Дж. Хартвиг, С. Хольсё, А. Айзекмэн, Б. Айзекмэн, У. Мак-Гаффи, Дж. Миллер, В. Ученду, Дж. Вогэн (США), Дж. Грэйс и К. Нуачукву-Огеденгбе (Нигерия), Б. Бальдус и М. Клейн (Канада), П. Лавджой и К. Мак-Кормак (Великобритания), Т. Тлоу (Ботсвана).

Такое определение раба и рабского состояния непосредственно связано с определением места рабства как института в системе общества в целом. Или, более узко, с вопросом: какую ценность представляли лица, объединяемые обозначением «раб», при всем его бесспорном несовершенстве, для того социального организма, в который они оказывались включены?

Майерс и Копытов подчеркивают, что было бы неверно ограничиваться здесь только признанием важности рабочей силы чужака. Гораздо чаще этот последний интерпретировал общество как «целостная личность» (*whole person, total person*), которая могла бы найти применение в гораздо более широкой гамме функций и ролей, нежели просто дополнительный работник (стр. 65 и др.). Мне представляется, что уже сама постановка этого вопроса достаточно важна. В самом деле, в нашей африканистической литературе тенденция к некоторой экономической односторонности при рассмотрении африканского рабства проявилась довольно заметно⁵. Сугубый акцент на экономике вполне правомерен при анализе экономического аспекта истории африканских (как, впрочем, и любых других) обществ, но не должен абсолютизироваться: хорошо известно (и в рецензируемой книге это подчеркнуто), что в реальном историческом процессе, тем более в обществах докапиталистических, экономическое не существует отдельно от социального (стр. 237). Верно, конечно, что при приобретении тем или иным способом рабов их включение в состав данного социального организма (сколь бы маргинально ни было их положение в нем) означало увеличение «достояния» последнего. Но в понятие «достояние» в докапиталистических африканских обществах включались многочисленные внеэкономические факторы — престижные, военные и др. И в социальной практике, и в общественном сознании такие моменты имели ничуть не меньшее значение, чем экономические.

Думаю, что в связи с этим заслуживал бы дальнейшего рассмотрения вопрос о том, нельзя ли трактовать присущую практически всем доколониальным обществам континента склонность к преобращению возможно большего числа зависимых людей как проявление объективной тенденции к оптимизации размеров той или иной общественно-экономической единицы в данных хозяйственных условиях.

Значительный интерес представляет проделанный во введении и в отдельных главах книги анализ такой существенной проблемы, как возможная степень интеграции в социальную систему различных видов «рабов» и непосредственно с нею связанный вопрос о пределах мобильности внутри такой системы. Сам по себе этот круг вопросов не нов, в рецензируемой книге он, пожалуй, впервые изучается столь внимательно. Следует сказать, что результатом оказалась картина намного более реалистическая, чем та, какую обычно рисуют нам этнологические и исторические работы, посвященные субсахарским обществам Африки.

Редакторы и авторы отдельных глав пошли по пути разграничения, с одной стороны, типов мобильности в обществе, с другой — интеграции чужака в данную родственную группу и в общество в целом. Типы мобильности, рассматриваемые во введении, представлены, во-первых, мобильностью социальной, во-вторых, имущественной (точнее, «житейской», *wordly success*), и, в-третьих, эмоциональной (авторы ее определяют как *affective mobility*). Определяющим оказывается то, что степень и темпы мобильности по этим трем линиям практически никогда не совпадали полностью. «Раб» мог стать почти полностью своим для членов семейной общины, которой принадлежал, пользоваться любовью и привязанностью с их стороны. Он мог — особенно в тех обществах, которые активно участвовали в торговле с европейцами и (или) арабами, — накопить немалые богатства. Мог достичь очень высокой ступени в административно-политической надстройке. Но все это почти никогда не вело к забвению его исходного социального статуса: именно статуса чужака в маргинальном положении; в той или иной мере следы последнего сохранялись. Иначе говоря, собственно социальная мобильность, т. е. изменение социального статуса, как правило, оказывалась наименьшей (стр. 18—20, 148—151 и др.).

Отсюда прямо вытекало и несовпадение интеграции в данную родственную группу и в общество в целом (стр. 16). И даже тогда, когда тем или иным способом приобретенный чужак становился «квазиродичем», обычно в той или иной степени сохранялось то, что Майерс и Копытов определяют как «несбалансированность» прав и обязанностей между индивидом и группой (стр. 26). «Квазиродич» не мог рассчитывать со стороны последней на ту меру поддержки и помощи, на какую имел право сородич настоящий. В то же время права группы на такого чужака сохранялись полностью, не подвергаясь никакому ограничению.

В этом смысле характерно, что даже в обществах с наиболее благоприятными для рабов условиями маргинальность их статуса подчеркивалась ограничением доступа к исполнению политико-административных и тем более ритуальных функций выше определенного уровня (скажем, в рамках мужских союзов, если чужака вообще туда допускали, как было это у нигерийских або — стр. 150). В других случаях маргинальность могла подчеркиваться созданием специальной, так сказать параллельной, системы общественных должностей, замещавшихся только лицами несвободного происхождения (например, у имбангала Анголы). Обычны были ограничения права наследо-

⁵ См., например, Ю. М. Кобищанов. Африканские феодальные общества..., с. 205—209.

вания. В любом случае отсутствие родственных связей с полноправными членами группы у зависимых людей в первом поколении так или иначе неблагоприятно сказывалось и на их потомках.

Заслуживает внимания, что авторы и редакторы книги попытались наметить возможные пути решения вопроса о причинах редкости проявлений социального протеста в подавляющем большинстве доколониальных африканских обществ, во всяком случае — со стороны рабов. При этом редакторы и Б. Бальдус, которому принадлежит посвященная этой проблеме гл. 17, исходили из выработанных К. Марксом и Ф. Энгельсом тезисов о превращении «класса в себя» в «класс для себя» в результате формирования у него классового сознания (стр. 44, 437). По их мнению, превращению рабов в доколониальном африканском обществе в «класс для себя» препятствовали факторы как экологического, так и социального свойства: от расселения фульбских *матьюбе* небольшими поселками, рассредоточенными на обширных пространствах (стр. 437—442), до создания многоступенчатой социальной структуры, где каждая последующая ступень обладала чуть меньшей степенью полноты в сравнении с предыдущей, у батавана Ботсваны (стр. 367—390). Можно добавить, что в немалой мере способствовала подавлению духа протеста у зависимых вся традиционная система воспитания. Это очень хорошо видно на примере сьерра-леонских шербро. Здесь у детей свободных воспитывали снисходительно-пренебрежительное отношение к несвободным по происхождению «братьям» и «сестрам» (при полнейшем равенстве в материальном отношении!). Смысл такой установки можно в весьма общей форме свести к фразе: «Что с них взять!». Но ведь одновременно такая установка неизбежно воспитывала в несвободном ощущение собственной неполноценности.

В любом случае стремление авторов и редакторов книги исследовать этот сложный и очень важный вопрос заслуживает всяческого одобрения.

Еще одна интересная проблема, поставленная в книге, — соотношение между общим уровнем социально-экономического и потестарно-политического развития того или иного социального организма и масштабами, которые в нем приняли отношения рабства и рабовладения. В принципе, конечно, можно предполагать, что сравнительно высокоразвитые общества проявляли и больший интерес и ощущали большую потребность в использовании раба в различных сферах жизни. Однако материалы книги свидетельствуют о том, что действительно существовавшая корреляция вовсе не была столь однозначной. В некоторых случаях формы хозяйственной специализации, особенности структуры родственных отношений и другие факторы могли очень заметно отклонять уровень развития рабства в каком-либо конкретном обществе от теоретически возможного и ожидаемого.

В этой связи стоит упомянуть и такую рассмотренную в книге проблему, как численность рабов и их процент в общей численности населения. В общем такой процент мог быть достаточно высок, хотя как раз на размер доли рабов в общей численности населения сильнее всего влияли названные выше локальные особенности. В относительно более развитых общественных организмах западносуданского региона — у хауса, волофов, сереров — он колебался от одной до двух третей общей численности населения (стр. 60, 61). Следует, однако, иметь в виду, что сами по себе такие цифры при всей их бесспорности ни в коей мере не могут служить основанием для утверждений о рабовладельческой формационной принадлежности таких обществ⁶. Авторы подобных утверждений не учитывают не только общесторические условия, но также и то, что самый термин «раб» никак не отражает всего многообразия форм зависимости, с одной стороны, равно как и то, что формы эксплуатации зависимых менее всего напоминали рабовладельческие (т. е. такие, при которых, говоря словами К. Маркса, «раб работает при помощи чужих условий производства и не самостоятельно»⁷) — с другой. В случаях же, когда рабом интересовались прежде всего как рабочей силой для использования в основной отрасли экономики — земледелии, такой интерес бывал непосредственно связан с наступлением колониальной эпохи: хорошо видно это, скажем, на примере, тех же волофов или менде (стр. 350—352, 355, 358, 359, 415—431).

Надо сказать, авторы и редакторы книги уделили особое внимание тому, как разнилось на африканском рабстве европейское колониальное владычество. Специальный раздел, состоящий, правда, из одной главы 16, так и назван «Рабство и эмансипация при колониальном управлении». Не менее интересны в этом смысле и главы, посвященные ваи Либерии и Сьерра-Леоне (стр. 287—303) или камерунским дуала (стр. 305—333), равно как и упоминавшаяся уже глава о волофах и серерах, принадлежащая перу М. Клайна. Общий подход к проблеме сформулирован во введении (стр. 70, 71): неверно было бы, говорят С. Майерс и И. Копытов, приписывать возникновение рабства в субсахарной Африке исключительно воздействию европейской работорговли. Многие элементы, связанные с нею впоследствии, существовали задолго до ее начала, и в этих случаях следует говорить скорее о новой конфигурации сочетаний таких элементов, нежели о возникновении их самих заново. По поводу возможного знакомства с работорговлей имбангала, вернее населения потестарно-политических образований,

⁶ M. Diop. Histoire des classes sociales en Afrique Occidentale. I. Le Mali; II. Le Sénégal. Paris, 1970—1972.

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, с. 353, 354.

существовавших в Центральной Анголе до имбангала, т. е. до XVI—XVII вв., редакторы не без основания замечают: считать, будто это население не могло само прийти к осознанию возможности использовать чужаков для увеличения престижа и могущества того или иного лица — значит «рассматривать Центральную Африку как культурную и экономическую тихую заводь (backwater), в которой «ничего не произошло» за тысячу лет до 1500 г. н. э.» (стр. 71). Этот взгляд можно толковать и шире, относя его к большинству доколониальных обществ субсахарской Африки, вступивших начиная с XVI в. в систему трансатлантической работорговли в качестве ее начального звена.

В самом общем виде этот тезис едва ли может вызвать возражения, если его рассматривать как опровержение взглядов, фактически отрицающих собственную динамику в историческом развитии народов Африки⁸. Но в то же время стоило, быть может, в более категоричной форме, чем это сделали Майерс и Колытов во введении, указать, что его нельзя и толковать расширительно, закрывая глаза на то, что европейская работорговля в любом случае означала качественно новый этап в развитии и африканского рабства, и всей социальной и культурной жизни народов субсахарской части континента.

Не менее интересен, пожалуй, и еще один аспект этой же проблемы: отношение колониальной администрации к рабству и работорговле, особенно в первые десятилетия колониального режима — грубо говоря, до первой мировой войны. Как известно, именно борьба с рабством и с торговлей рабами долгие годы служила официальным обоснованием колониальных захватов в Африке. Однако материалы книги свидетельствуют о трогательном единстве подхода любой европейской администрации — французской, британской, германской, — не говоря уже о португальской (рабство в Анголе даже официально было запрещено лишь в 1878 г.), — к африканскому рабовладению. Подход этот можно определить одним словом — «попустительство», а внутри него варьировала лишь степень — от молчаливого невмешательства до возвращения беглых рабов их бывшим хозяевам колониальной юстицией (стр. 323—325, 352—355, 425—427). При этом, как можно заметить, как раз расплывчатость термина «раб» и его производных позволяла «не замечать» существование многочисленных групп зависимого населения.

Хотя авторов книги и не занимала этническая история как таковая, однако материалы разных глав содержат довольно интересные и, во всяком случае, заслуживающие внимания факты, относящиеся именно к этническим процессам. Известно, что как раз XIX в. был временем резкой интенсификации последних, т. е. тот период, который в основном и рассматривается в книге. Понятно, что движение относительно крупных масс зависимого населения оказывало определенное воздействие на формирование этнической карты тех или иных областей континента. Такое воздействие могло принимать разные формы. Простейшая из них — появление нового этнического элемента в тех местностях, где он ранее отсутствовал или был представлен незначительно. Так обстояло дело, скажем, с заселением отдельных районов в дельте Нигера ибобозычными «рабами»; этот случай еще в 1956 г. рассмотрел О. Дике (стр. 131). Более сложные варианты — формирование в суданской зоне поселений «рабов туарегов», воспринимаемых здесь как специфическая этническая группа (стр. 397—408), или формирование фактически новой этнической общности имбангала как результат широкого развития работорговли и рабовладения (стр. 205—211). Особенно интересным, с точки зрения трансформации этнического самосознания, представляется пример дуала. Здесь тенденция к консолидации новой, более крупной этнической общности получила вид использования этносоциальных категорий, сложившихся еще в доколониальном обществе, в таком смысле, который диаметрально противоположен первоначальному (стр. 310, 327, 328). Во всяком случае, книга лишний раз подтверждает, что изучение этнической истории Африки, прежде всего в таких ее регионах, как Центральный и Западный Судан, Гвинейское побережье и бассейн Конго, не может быть достаточно глубоким и доказательным без исследования путей и форм сложения зависимого населения в обществах таких регионов.

Конечно, к книге можно предъявлять и определенные претензии. Уже говорилось о том, что редакторам в целом удалось выдержать единый теоретический подход к рассматриваемым проблемам. Но они были не в состоянии изменить тот факт, что книга складывалась из отдельных исследований, строго говоря, даже не объединенных единой программой. Понятно поэтому, что разные стороны и аспекты проблемы оказались представлены неравномерно. В частности, столь важные разделы, как «Раб как институтированный чужак» (стр. 83—102) или «Социальная психология в сервильной системе» (стр. 433—458), содержат всего по одной главе, т. е. рассматривают каждый лишь одну этническую общность. Правда, проблематика этих разделов для мировой африканистики сравнительно нова, и такое ограниченное ее присутствие в

⁸ В свое время мне уже пришлось обращать внимание на это противоречие во взглядах некоторых антиколониалистски настроенных историков. См. Л. Е. Кубель. Из истории древнего Мали. — «Африканский этнографический сборник, V. История, этнография, лингвистика» («Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. 76). М. — Л., 1963, с. 72, 73.

рецензируемой книге скорее указывает на необходимость дальнейших исследований в намеченных направлениях.

Несколько по-иному обстоит дело с терминологией, употребляемой авторами. С. Майерс и И. Копытов завершили свое введение небольшим терминологическим экскурсом. Ни в коей мере не абсолютизируя данный вопрос, они, тем не менее, предложили здесь довольно стройную и логичную систему принципов формирования терминов, связанных с многообразными аспектами африканского рабства и рабовладения (стр. 76—78). К сожалению, эти принципы нашли лишь частичное отражение в остальных главах книги. В результате единство терминологии отсутствует, хотя в подходе к проблеме авторы, как было сказано, не расходятся.

Можно не соглашаться и спорить с авторами отдельных глав по тем или иным частным поводам. Можно, видимо, в отдельных случаях предлагать и более логичные пути решения таких вопросов. В конце концов, научная публикация всегда должна возбуждать дискуссию. Но представляется бесспорным, что все, кто занимается этнографией и историей Тропической Африки, с немалой для себя пользой прочтут «Рабство в Африке» — итог десятилетней интенсивной работы большой группы специалистов, книгу, построенную на обширном материале, собранном во время полевых исследований в полсотни африканских стран.

Л. Е. Куббель